Память о неизвестном погроме?

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА МАКАРОВА[1], [2]

✉ masza.makarowa@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9227-7581

[1]Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия
[2]Польская академия наук, Варшава, Польша

Для цитирования статьи:
Макарова, М. А. (2019). Память о неизвестном погроме? *Фольклор и антропология города*, *II*(1–2), 164–187.

Публикуется свидетельство «Л. Самойлова, рожденного в Биробиджане, описывающего свой опыт красноармейца», найденное мной среди личных свидетельств с территории СССР в архиве Института Яд Вашем осенью 2018 года. В этом документе под заголовком «Биробиджанские фрагменты», который сохранился в двух отличающихся друг от друга копиях (одна из них в плохом состоянии), автор описывает жизнь в Биробиджане до Второй мировой войны и весной-летом 1945 года, антисемитские настроения в рядах Красной Армии, а также неизвестный погром в Биробиджане, учиненный, согласно свидетельству, солдатами армии Рокоссовского летом 1945 года.

Текст в одной из копий адресован безымянным «живущим в Париже», в другой же — «живущим в Израиле». В обоих случаях адресатов, как отмечается Самойловым, «интересует характерность и дальнейшая судьба» Биробиджана. Однако автор, начиная с описания истории и современного состояния Биробиджана, значительную часть своего рассказа посвящает описанию антисемитского поведения красноармейцев, а также военных и трудовых подвигов советских евреев. Складывается впечатление, что его свидетельство подчинено одной цели — опровергнуть представление, распространенное в СССР, о невоевавших евреях, отсидевшихся в эвакуации, а кроме того, на примерах доказать наличие антисемитских настроений среди солдат Красной Армии. Наиболее загадочным фрагментом документа является описание «биробиджано-варфоломеевой ночи» — еврейского погрома, совершенного, как утверждает Самойлов, солдатами-рокоссовцами в 1945 году. Это событие не отразилось в культурной памяти жителей ЕАО, нет упоминаний о нем и в исторической и краеведческой литературе. В комментарии к публикуемому документу я стараюсь ответить на вопросы — мог ли погром действительно произойти и почему описание этого события попало в свидетельство Самойлова.

Ключевые слова: Еврейская автономная область, Биробиджан, погром, рокоссовцы, Вторая мировая война, антисемитизм

Работа в архиве Института Яд Вашем проведена благодаря исследовательскому гранту «Эшнав» центра «Сэфер» (2018 год). К публикации текст подготовлен в рамках Карамзинской стипендии Фонда Михаила Прохорова (2019 год).

A memory of an unknown pogrom?

Maria A. Makarova[1], [2]

✉ masza.makarowa@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9227-7581

[1]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
[2]Polish Academy of Science, Warsaw, Poland

To cite this article:
Makarova, M. (2019). A memory of an unknown pogrom? *Urban Folklore & Anthropology*, *II*(1–2), 164–187. (In Russian).

The present text is a publication of "Testimony of L. Samoilov, born in Birobidzhan, regarding his experience as a Red Army Soldier", which I discovered among personal testimonies coming from the USSR territory in the Yad Vashem Archives in the autumn of 2018. This document, titled "Birobidzhan fragments" and preserved in two copies (the first of them is in poor condition), describes life in Birobidzhan before the Second World War and in the spring and summer of 1945, anti-Semitic sentiments in the ranks of the Red Army, and an unknown pogrom in Birobidzhan carried out in 1945 by the soldiers of Rokossovsky's army. The text is addressed to some unnamed "residents of Paris" and to some unnamed "residents of Israel", who, as Samoilov puts it in both cases, "are interested in the character and further fate" of Birobidzhan. Although the text opens with the account of Birobidzhan history and current state, its major part focuses on the description of anti-Semitic behaviour of the Red Army soldiers, as well as military and labour exploits of Soviet Jews. The testimony produces the impression that it serves the purpose of undermining the conception, common in the USSR, that Jews had been sitting the war out upon being evacuated from the war zones, and giving evidence of anti-Semitism among the Red Army soldiers. The most enigmatic part of the document is the depiction of the "Birobidzhan St. Bartholomew's Day massacre": a Jewish pogrom orchestrated, as Samoilov asserts, by the soldiers of Rokossovsky's army in 1945. This event is not reflected in the JAO inhabitants' memory, nor it is mentioned in historical literature or regional studies. In my commentary on the document, I address the questions whether such pogrom could actually take place and why the account of this event ended up in Samoilov's testimony.

Keywords: Jewish Autonomous Region, Birobidzhan, pogrom, Rokossovsky's army, World War II, anti-Semitism

Осенью 2018 года, работая в архиве иерусалимского Института Яд Вашем[1], где хранятся свидетельства Холокоста, я обнаружила в фонде личных свидетельств с территории СССР документ на русском языке с некоторым количеством орфографических ошибок, названный «свидетельство Л. Самойлова, рожденного в Биробиджане, описывающего свой опыт красноармейца»[2], жизнь в Биробиджане до Второй мировой войны и весной-летом 1945 года, антисемитские настроения в рядах Красной Армии, а также неизвестный погром в Биробиджане, учиненный, согласно свидетельству, солдатами армии маршала К. К. Рокоссовского летом 1945 года.

[1] Выражаю большую благодарность архиву Яд Вашем и особенно сотруднику архива Яэлю Робинсону Готтфельду за предоставление копии документа для публикации.

[2] Первая копия свидетельства Л. Самойлова: Testimony of L. Samoilov, born in Birobidzhan, regarding his experience as a Red Army Soldier. *Yad Vashem*, Ф. О.3, Д. 2116, Л. 1–8.

Эта статья посвящена анализу ранее не публиковавшегося эго-документа биробиджанца Л. Самойлова: возможных целей его создания, содержания и событийного контекста, в котором он писался. Однако центральным вопросом статьи является рассмотрение части документа, где описывается неизвестный погром, совершенный, по утверждению автора, солдатами армии К. К. Рокоссовского летом 1945 года при переброске их на японский фронт, который не отразился ни в культурной памяти жителей ЕАО, ни в литературе об истории региона.

История документа и его автора

Свидетельство Самойлова — документ на восьми листах под заголовком «Биробиджанские фрагменты». Он сохранился в плохом состоянии: некоторые слова, которые можно было угадать по отдельным буквам, обозначены мной знаком вопроса «[?]», а не поддающиеся расшифровке фразы — как [нрзб]. Документ заканчивается предложением «Продолжение следует», но в архиве других частей свидетельства Самойлова нет. Сохранились ли они, были ли написаны и что в них могло содержаться — мне не известно.

Готовя к публикации этот документ, я вновь обратилась к сотрудникам Института Яд Вашем — за копией свидетельства. На этот раз я получила другую копию — документ на девяти листах, в гораздо лучшей сохранности[3]. Те места, которые было невозможно прочитать в документе, с которым я работала ранее, во второй копии без проблем прочитываются. Кроме того, во второй копии свидетельства Самойлова не восемь листов, а девять — соответственно, по содержанию он отличается от другой версии документа. Вероятно, переписывая свидетельство, его автор менял некоторые слова и выражения. Именно из-за этих отличий в публикации я привожу расшифровку обеих копий документа, обозначая дописанные или измененные Самойловым фрагменты курсивом.

Кроме того, вторая копия свидетельства, предоставленная архивом, включает в себя сопроводительный текст на двух листах, написанный Элиягу Яблонским — интервьюером Яд Вашем, где он описывает обстоятельства создания текста и его содержание на иврите. Это проливает свет на личность Самойлова, хотя по-прежнему об авторе «Биробиджанских фрагментов» известно не так много.

Из самого свидетельства мы знаем фамилию автора и первую букву его имени, а также тот факт, что Самойлов родился в Биробиджане, покинул его накануне войны и, по его словам, был красноармейцем в военные годы[4]. Из рассказа Самойлова следует, что он был контужен и в феврале 1945 года возвратился из госпиталя в Еврейскую автономную область через Новосибирск, а затем какое-то время находился в Биробиджане, жизнь которого подробно описывает.

[3] Вторая копия свидетельства Л. Самойлова: Testimony of L. Samoilov, born in Birobidzhan, regarding his experience as a Red Army Soldier. *Yad Vashem*, Ф. О.3, Д. 2116, Л. 1–11.

[4] Его фамилия не встречается в изданиях, посвященных жителям ЕАО, воевавшим на фронте. См. подробнее: [Ставчанский 2015, Ставчанский 2018, Кудин 2000].

Из сопроводительного текста Элиягу Яблонского мы узнаем, что в 1957 году Самойлов приехал в Израиль, а в описи документа указан адрес интервьюируемого — город Холон. По словам Яблонского, Самойлов был инвалидом войны, что подтверждает его рассказ о контузии.

У меня нет сведений, когда и при каких обстоятельствах Самойлову удалось эмигрировать из Советского Союза. Возможно, он выехал из СССР в ходе репатриации бывших польских граждан, когда около 20000 человек покинули Советский Союз. Как пишет Геннадий Эстрайх, «в большинстве своем они даже не планировали оставаться в Польше и переселились в Израиль» [Эстрайх 2019: 108]. Однако, несмотря на эту важную деталь биографии автора свидетельства, время с окончания войны и до 1957 года, а также дальнейшая жизнь Самойлова в Израиле остаются для читателя загадкой.

Свидетельство, как следует из описи документа, было записано Элиягу Яблонским в октябре 1961 года в Тель-Авиве[5], а в архив попало 28 февраля 1962 года. Сопроводительный текст Яблонского датируется ноябрем 1961 года[6].

Совершенно очевидно, что Яблонский не интервьюировал Самойлова, а, вероятно, получил от него готовый текст. Это подтверждают и слова самого интервьюера, который пишет в сопроводительном документе, что воспоминания «были написаны Самойловым на конкурс, который был объявлен организацией инвалидов войны с нацизмом»[7].

Действительно, свидетельство Самойлова обладает всеми чертами письменного текста — это связный рассказ, с определенной структурой, не разбавленный вопросами интервьюера. Автор использует сложноподчиненные предложения с книжной лексикой, иллюстрирует свое повествование проработанными с точки зрения художественности диалогами. Более того, свидетельство озаглавлено — что указывает на его письменный характер, а завершается фразой «продолжение следует», что не характерно для записанного интервью.

То, что, по словам Яблонского, воспоминания готовились Самойловым к конкурсу, а не просто как свидетельство о прошлом, объясняет, вероятно, почему Самойлов выбирает для описания определенные ситуации, хочет произвести впечатление на читателя и донести до него определенные мысли.

Начало свидетельства Самойлова различается в доступных мне копиях. В первой копии документа Самойлов начинает свое повествование с загадочной фразы: «Многих живущих в Париже интересует характерность

[5] В документе есть несколько отметок, сделанных от руки по-польски в качестве перевода географических наименований и упоминаемых автором имен с русского на польский язык: *USURSKA TAJGA*, *KÖNIGSBERG*, *NOWOSYBIRSK*, *JURIJ BEŁOWSKI*. Кому и зачем потребовалось указывать польское написание этих названий и имен? На этот счет у меня есть два предположения: 1) это пометки, сделанные на тексте Самойлова Элиягу Яблонским, который, судя по фамилии, мог быть польским евреем; 2) пометка сделана другим неизвестным архивистом. Интересно, что на титульном листе свидетельства упоминаемые в нем географические наименования и имена также записаны по-польски: *Birobidžan*, *Amur* и т. д. Фамилия Юрия Беловского там, однако, дается в несколько ином польском написании — *Biełowski*.

[6] В заголовке сопроводительного текста Элиягу Яблонского фамилия Самойлова, написанная сначала на иврите, затем дублируется по-польски.

[7] Testimony of L. Samoilov.... *Yad Vashem*, Ф. О.3, Д. 2116, Л. 1.

и дальнейшая судьба этого города (Биробиджана — *М. М.*)»[8], во второй копии начало звучит «Многих живущих в Израиле...»[9]. И без того загадочная фраза вызывает еще больше вопросов. Возможно, конкурс, который описывает Яблонский, был не единственным местом, куда Самойлов отсылал копию своих воспоминаний?

Биробиджан: страхи и слухи

Еврейская автономная область на Дальнем Востоке с центром в Биробиджане в составе СССР официально была создана в 1934 году, но с 1926 года туда приезжали первые еврейские переселенцы с территории Украины и Беларуси, а также из-за границы СССР[10]. Советская пропаганда называла ЕАО «советской Палестиной» [Сударский 1930], хотя евреи никогда не составляли большинства местного населения. Так, в 1939 году на территории ЕАО проживало 17695 евреев, что составляло 16,2% от общего населения [Всесоюзная перепись… 2019, 8–21 апреля]. Биробиджан переживает период расцвета до 1937 года, когда в ЕАО начинается волна политических репрессий. После Второй мировой войны в Биробиджан прибывает вторая волна переселенцев, а еврейское население области, благодаря этому, увеличивается до 30000 человек[11]. Однако возобновление переселения было прервано государственной антисемитской кампанией. Во время «дела врачей» массово распространялись слухи о грядущей депортации советских евреев в Биробиджан: говорилось о построенных в ЕАО бараках, а также о «столыпинских вагонах», якобы стоящих на запасных путях в Москве в ожидании окончательного решения о депортации. Кроме того, в слухах отмечалось, что на пути следования составов в Биробиджан советских евреев будут встречать разгневанные граждане, совершая погромы — до ЕАО в итоге должна была доехать небольшая часть советского еврейства. Слухи прекратились вместе со смертью Сталина и прекращением «дела врачей» в 1953 году. В дальнейшем в советской антисионистской пропаганде Биробиджан изображался как социалистическая родина евреев в противовес Израилю.

Но вернемся к документу[12]. Непонятно, откуда Самойлов знал о заинтересованности парижан темой Биробиджана — из советской или зарубежной еврейской печати, из личной переписки или потому, что он сам находился в какой-то момент в Париже по пути в Израиль?

[8] Первая копия свидетельства Л. Самойлова: Testimony of L. Samoilov... *Yad Vashem*, Ф. О.3, Д. 2116, Л. 1.

[9] Вторая копия свидетельства Л. Самойлова: Testimony of L. Samoilov... *Yad Vashem*, Ф. О.3, Д. 2116, Л. 3.

[10] Дата образования Еврейской автономной области, открывающая свидетельство Самойлова, неверна. Автор пишет, что «в 1926 (во второй копии документа — 1928 — *М. М.*) году в далекой Уссурийской тайге, на стыке слияния двух рек Бира и Биджан была заложена Еврейская Автономная Область с центральным городом Биробиджан». Однако известно, что создание ЕАО с центром в Биробиджане датируется 7 мая 1934 года, а в 1926 году на территорию будущей ЕАО начинают стихийно приезжать первые переселенцы.

[11] Считается, что это была наибольшая цифра за все время существования области. См.: [Мицель 2004].

[12] Далее в тексте я буду цитировать свидетельство Л. Самойлова по второй предоставленной мне архивом Яд Вашем копии документа как по более полной его версии. В случае противоречий в версиях документов я буду обозначать это отдельно и указывать в ссылке номер копии, принятый мной по хронологии доступа к ним.

И почему одну из копий своих воспоминаний адресовал именно им? Обращение именно к парижанам можно объяснить, если вспомнить интервью Никиты Хрущева французской газете «Фигаро», вышедшее 9 апреля 1958 года, где он заявил: «Евреи не любят коллективный труд, групповую дисциплину. Они индивидуалисты. ‹…› Я отношусь скептически к возможности создания прочного еврейского общества» [Известия 1958]. Таким образом он объяснил неудачу «биробиджанского проекта». Это интервью, как пишет Геннадий Эстрайх [Эстрайх 2018], вызвало широкое обсуждение на Западе и было воспринято как антисемитское. Чтобы успокоить западное еврейство, в газете «Советская Россия» 6 августа 1958 года вышла статья некоего В. Пахмана о жизни в ЕАО. Как отмечает Эстрайх, «в статье был сделан акцент на различии между счастливой жизнью биробиджанцев и горестями тех бывших жителей области, которые "под влиянием сионистской пропаганды" уехали в Израиль» [Эстрайх 2018: 106]. В публикации особо подчеркивались подвиги биробиджанцев-красноармейцев, описывалась работа еврейской газеты «Биробиджанер Штерн» и биробиджанских еврейских писателей. И интервью Хрущева, и последующая за ним статья вызвали на Западе, как отмечает Эстрайх, панику, породившую слухи о грядущем переселении всего советского еврейства в Биробиджан, которые распространялись, среди прочего, в европейской и американской печати. Участие в их распространении, о чем свидетельствует меморандум, подготовленный Юджином Хевеси, секретарем по международным делам Американского еврейского комитета, принимали, в том числе, «израильские правительственные круги» [Эстрайх 2018: 110]. Можно предположить, что слухи эти были популярны и среди израильтян. Тема вероятного переселения советского еврейства обсуждалась, в том числе, на встрече Анастаса Микояна с американскими еврейскими деятелями в январе 1959 года. Микоян правдивость слухов отрицал [Эстрайх 2018: 111].

Эти события и циркулировавшие на Западе слухи создают событийный контекст, в котором Самойлов пишет «Биробиджанские фрагменты». Он становится представителем немногочисленных биробиджанских евреев, которым удалось эмигрировать из СССР, который может рассказать, как на самом деле выглядела жизнь в ЕАО и как советское общество относится к евреям, в том числе, евреям из Биробиджана.

Антисемитские военные и послевоенные стереотипы

Если принять во внимание заявления Хрущева о евреях, не любящих групповую дисциплину, то особое значение приобретают рассуждения Самойлова о еврейском народе, «который со своим старшим братом русским народом совместно плечом к плечу, нога в ногу прошел от Москвы до Варшавы, и от Сталинграда до Берлина, где завоевали свою историческую победу»[13], а также описания героических подвигов биробиджанцев-крас-

[13] Testimony of L. Samoilov... *Yad Vashem*, Ф. О.3, Д. 2116, Л. 10.

ноармейцев и тех, кто работал в тылу. В то же время, он опровергает пропагандистскую статью «Советской России» о жизни в ЕАО, где говорится о процветающей в Биробиджане еврейской культуре, своими воспоминания о том, что к концу войны «преподавание еврейского языка в школах и средних учебных заведениях совершенно прекратилось. Только вокзальная вывеска и кое-где уцелевшие уличные таблички на еврейском языке напоминали приезжим, что он попал туда, куда хотел…»[14]. И самое главное — он рассуждает об антисемитизме русского народа, «народа-победителя», который «духовно отравляли идеи антисемитизма и антигуманизма»[15].

Совершенно явно, что весь рассказ Самойлова подчинен двум целям — опровергнуть представление, распространенное в Советском Союзе, о невоевавших евреях, отсидевшихся в эвакуации, а кроме того, на примерах доказать наличие антисемитских настроений среди красноармейцев. Возможно, Самойлов пробует опровергнуть и стереотипы, сложившиеся в израильском обществе, о восточноевропейском еврействе, которое не смогло защитить себя от полного уничтожения. Неясно, интересует ли этот вопрос «живущих в Париже» или «живущих в Израиле», которые, как пишет автор, спрашивают о жизни в Биробиджане, а не о военных событиях. Но Самойлов большую часть своего рассказа посвящает описанию героических военных подвигов евреев-красноармейцев и антисемитских инцидентов, участником которых являются русские красноармейцы, в том числе, солдаты армии Рокоссовского.

Именно так он строит свой документ. Самойлов рассказывает, во-первых, о жизни в Биробиджане во время войны, возвращении контуженных биробиджанцев с фронта; во-вторых, о вкладе евреев в борьбу во время войны — в рядах армии и в тылу; в-третьих, об антисемитизме в рядах Красной Армии, многократно описанном исследователями; в-четвертых, о своем возвращении в Биробиджан (по всей видимости, эти же впечатления Самойлов описывает в первой части), и в-пятых, самое главное, — о неизвестном антисемитском погроме в Биробиджане, очевидцем которого был Самойлов летом 1945 года.

Как я уже сказала, содержание документа подчинено главной цели: борьбе Самойлова с распространенным во время войны и в послевоенные годы среди нееврейского населения СССР стереотипом о «невоевавших Абрамах», отсидевшихся на «ташкентском фронте», то есть в эвакуации в Центральной Азии. Возвращаясь в Биробиджан, во время длительного ожидания поезда в Новосибирске, Самойлов становится свидетелем антисемитского инцидента: группа пьяных красноармейцев прилюдно высмеивает генерала-еврея[16], обвиняя его, что тот «командовал “среднеазиатским” фронтом и успешно без боя овладел “Ташкентом”», а «все эти

[14] Testimony of L. Samoilov... *Yad Vashem*, Ф. О.3, Д. 2116, Л. 8.

[15] Testimony of L. Samoilov... *Yad Vashem*, Ф. О.3, Д. 2116, Л. 10.

[16] В генерале, как следует из документа, Самойлов узнает биробиджанца «Юрку Беловского», однако, подтвердить существование такого человека у меня не получилось, поскольку такое имя не упоминается в публикациях о биробиджанцах, служивших в рядах советской армии. В свидетельстве над именем «Юрка Беловский» по-польски от руки голубыми чернилами надписано «Jurij Bełowski».

медали и ордена местные евреи купили на рынке и преподнесли своему "Абраму"»[17]. Защищая доброе имя советских евреев, автор подробно описывает героические фронтовые подвиги еврейского народа, а также жертвенность тех жителей ЕАО, кто оставался в годы войны в тылу. При этом автор «Биробиджанских фрагментов» допускает неточность, описывая подвиг биробиджанца Иосифа Бумагина — одного из главных евреев-героев Великой Отечественной войны в коллективной памяти жителей Биробиджана. Самойлов пишет, что Бумагин повторил подвиг Александра Матросова «в 1944 г. в боях под Кенигсбергом». Эту же деталь за ним в своем сопроводительном тексте повторяет Элиягу Яблонский, отмечая, что Самойлов лишь вскользь описывает подвиг Бумагина, а в документе «речь идет об участии евреев в войне вообще и биробиджанцев в частности». Однако известно, что Бумагин погиб 24 апреля 1945 года при штурме Бреслау (нынешний Вроцлав) [Кудиш 2000]. Вероятно, Самойлов, приводя эти сведения, полагался на собственную память и не проверял деталей гибели героев-биробиджанцев в публикациях о евреях-красноармейцах, выходивших в советское время в ЕАО. Кроме того, он называет Бумагина, которому на момент гибели было 38 лет, «юношей» — или с высоты своего возраста (читатель не знает, сколько лет Самойлову), или же по незнанию.

«Биробиджано-варфаламеева ночь»: воспоминание или фабрикат?

Если антисемитизм в отношении евреев-красноармейцев Самойлов иллюстрирует описанным выше инцидентом в Новосибирске, то для иллюстрации антисемитского отношения к гражданскому еврейскому населению в ЕАО со стороны Красной Армии он вспоминает о «биробиджано-варфаламеевой ночи» [sic] — еврейском погроме, совершенном, как пишет автор, в Биробиджане так называемыми «рокоссовцами», то есть солдатами 16-й армии под командованием маршала К. К. Рокоссовского, переброшенными на Дальний Восток в 1945 году. Масштабы погрома, который описывает Самойлов, впечатляют. Автор упоминает о трехтысячной армии рокоссовцев, «озверелых мародеров», которые полностью парализовали город. Как отмечает автор, «победители Берлина разграбили привокзальный буфет и пьяными носились по городу, бесконечно стреляя из автоматов»[18].

Это наиболее интересная, по нашему мнению, и наиболее загадочная часть свидетельства. Если в первой копии документа страница с описанием погрома была сильно повреждена, то во второй копии ее оказалось возможным прочитать полностью. Самойлов пишет, что, остановившись в Биробиджане по пути в Хабаровск, «рокоссовцы» увидели на вокзале еврейскую надпись, что спровоцировало погром. Для начала красноармейцы «разграбили привокзальный буфет», а затем «врывались в квартиры и производили полный разгром». «Девизом» погрома «рокоссовцы», по утверждению Самойлова, провозгласили

[17] Testimony of L. Samoilov... *Yad Vashem*, Ф. О.3, Д. 2116, Л. 7.
[18] Testimony of L. Samoilov... *Yad Vashem*, Ф. О.3, Д. 2116, Л. 11.

фразу «бить "Абрамов" и насиловать "сарочек"»[19]. Как говорится в документе, военное противостояние «рокоссовцам» со стороны местных красноармейцев оказалось неэффективным, они были вынуждены отступить «с разбитыми головами и перебитыми челюстями». Погром, по свидетельству автора, продолжался до ухода состава в Хабаровск. Часть «рокоссовцев», увлекшись грабежом, вынуждена была догонять состав. «Некоторые из них попали под колеса и больше не называли себя рокосовцами», — пишет Самойлов. Он отмечает также, что «около сотни были так увлечены беззаконием, что забыли где они находятся. Они были выловлены».

Это описание погрома не находит подтверждения в работах об истории Еврейской автономной области [Вайсерман 1999, Кудиш 2005, Maksimowska 2019] и в краеведческой литературе [Ставчанский 2016, Бренер 2013, Скворцова]. Более того, это событие не отразилось в индивидуальной и культурной памяти жителей Биробиджана: информанты, с которыми я разговаривала в Биробиджане и Израиле (мной собрано 78 интервью), об этом никогда не упоминали. При этом большинство моих информантов хорошо помнят войну, поскольку родились они в 1930-е годы, и охотно описывают тяжелую ситуацию в ЕАО в то время и жизнь своих семей. Многие из них особо подчеркивают отсутствие антисемитских настроений в Биробиджане и соответственно погромов:

> Мы, биробиджанцы, совсем другие — открытые, гостеприимные. У нас все друг друга знают, все заодно. У нас никогда не было антисемитизма. Мы совсем другие, по-другому привыкли жить[20].

Именно убеждение в отсутствии этнических конфликтов, как мне кажется, является важной частью локальной идентичности:

> Настолько ассимилированный город, настолько там все как-то породнились друг с другом, что нет ни одной русской семьи, в которой не было бы еврея, и нет ни одной еврейской семьи, где нет русских. Биробиджан — еврейский город по духу, там все перемешалось[21].

Погромщиками в описании Самойлова были солдаты армии Рокоссовского, в 1945 году переброшенной туда. Согласно многочисленным мемуарным свидетельствам, у них была дурная слава. Как говорится в краеведческой дальневосточной литературе, «рокоссовцев» набирали из уголовных преступников, объединенных в штрафные батальоны. «В народе», читаем в публикации краеведа В. Колягина, «эти войска были известны под общим названием "рокоссовцы"» [Колягин 2012: 315]:

> Весной 1945 года, во время следования эшелонов с войсками на Дальний Восток, в Сибири произошло несколько случаев грабежей пристанционных базаров. В этой свя-

[19] Testimony of L. Samoilov... *Yad Vashem*, Ф. О.3, Д. 2116, Л. 11.

[20] Ж., 1937, пенсионерка, Нацерет-Иллит (Израиль). Репатриировалась в 1990-е годы. В Биробиджане работала на швейной фабрике. Интервью записано мной в 2013 году.

[21] М., 1939, пенсионер, Нацерет-Иллит (Израиль), активист организации выходцев из Биробиджана. Репатриировался в 1994 году. В Биробиджане был вторым секретарем обкома, затем гендиректором торговой компании. Интервью записано мной в 2013 году.

зи местным властям было дано указание закрывать торговые точки на станциях, где планируется остановка воинских составов с рокоссовцами.

Появление «рокоссовцев» в городе часто означало грабежи и насилие, особенно на Дальнем Востоке. Так, например, в «Воспоминаниях лейтенанта» Н. Б. Вайнштейна, направленного на Дальний Восток в мае 1945 года, говорится, что «солдаты-рокоссовцы ‹…› сразу берут город на абордаж. Несколько случаев мародерства и изнасилования» [Вайнштейн 1994]. В отношении солдат армии Рокоссовского, как следует из мемуаров Вайнштейна, даже устраивались товарищеские суды, которые приговаривали их к расстрелу. В других воспоминаниях рокоссовцев называют «бичом Дальнего Востока». Так, например, Т. И. Устинова, в годы войны жившая на Камчатке, а затем эмигрировавшая в Канаду, в 2000 году написала воспоминания, чтобы рассказать своим внукам о жизни в СССР. В мемуарах она отмечает, что «рокоссовцев» на Дальнем Востоке боялись и после окончания войны:

«Рокоссовцы» означало хулиганы, бандиты. Они до смерти запугали владивостокцев, проезжая через город. Вели себя во Владивостоке, как в побежденном городе, отданном на разгром. Могли, проезжая по улице, палить из автомата по тротуарам. Могли вламываться в квартиры грабить и насиловать. Управы, видимо, в то время на них не было. Рокоссовский тоже был не мальчик, армия у него была из штрафников и освобожденных из лагерей бандитов. Её расформировали после войны, но кое-кто успел как-то пристроиться, например, пополнение на гидрографическом судне, но слава за ними держалась, «рокоссовец» было ругательство [Устинова 2000].

Прославились «рокоссовцы» не только грабежами, но и изнасилованиями. В статье Е. Рожкова, где описывается пребывание «рокоссовцев» на Чукотке, автор приводит воспоминания местной жительницы Л. И. Аднаны, которая в 1945 была девочкой:

В ту пору мне было девять лет, я училась в интернате, жила у дедушки. Когда прислали в Провидения рокоссовцев, жить стало очень страшно. Они сильно пили, были частыми случаи насилия над женщинами. Ночами в домах запирались на все крючки, засовы и замки. Когда они, пьяные, стучали в окна и требовали, чтобы женщины выходили немедленно, мы «помирали» от страха [Рожков 2010].

В известных мне воспоминаниях о «рокоссовцах» не отмечается особый антисемитский характер, которым характеризовались бы их действия. Скорее, они описываются как бандиты, грабившие и насиловавшие в тех городах, куда попадали во время войны и после нее. Кроме того, вызывает сомнение, могли ли «рокоссовцы», приехав в Биробиджан, узнать в надписи на вокзале еврейский язык (название города на здании вокзала с 1930-х годов было написано на русском и на идише) и, соответственно, учинить погром именно из мести «невоевавшим Абрамам». С другой стороны, можно предположить, что советские граждане в то время в результате массовой пропаганды, связанной со строительством Еврейской автономной области в 1930-е годы, ассоциировали название города с еврейским проектом, а неизвестный алфавит с еврейским алфавитом. По моим наблюдениям, до сих пор, проезжая

через Биробиджан, некоторые пассажиры комментируют еврейский характер Биробиджана, а область называют «Еврейка».

Так был ли в 1945 году в Биробиджане погром, отсутствующий в индивидуальной и культурной памяти жителей? И почему описание этого события попало в свидетельство Самойлова? Здесь я могу дать три основных предположения.

Предположение первое: перед нами настоящее свидетельство. Погром 1945 года в Биробиджане действительно произошел, а «рокоссовцы» руководствовались антисемитскими соображениями, описанными выше, но затем это событие было вытеснено из памяти как травматическое событие, не вписывающееся в важные для советского Биробиджана нарративы о евреях-героях и ЕАО, где отсутствуют этнические конфликты, в том числе, антисемитизм. Кроме того, не вызывает сомнения, что если еврейский погром произошел на самом деле, то упоминания о нем могли сдерживаться советскими властями.

Предположение второе: перед нами сильно фольклоризированный нарратив. Погром, учиненный «рокоссовцами» в Биробиджане, действительно был, но не был антиеврейским и не отличался от грабежей и изнасилований, совершаемых некоторыми солдатами армии Рокоссовского в других городах Сибири и Дальнего Востока в то же время. В этой ситуации Л. Самойлов, по неизвестной мне причине, наделил это событие иным смыслом, превратив в антиеврейский погром, чтобы, возможно, проиллюстрировать антисемитские настроения в рядах Красной Армии — как в отношении сослуживцев, так и в отношении еврейского населения СССР, а особенно населения Биробиджана как жителей формально еврейской области. Вероятно, он мог преувеличить и масштабы события. Самойлов описывает трехтысячную армию «рокоссовцев», которая грабила Биробиджан. Можно предположить, что в инциденте, не оставшемся в памяти жителей города, участвовало гораздо меньше солдат армии Рокоссовского, а автор приукрасил событие.

Вызывает сомнение и то, сколько погром продолжался и в какое время суток происходил. Самойлов пишет, что «два часа Биробиджан находился в руках этих озверелых мародеров»[22], а состав с солдатами армии Рокоссовского в Биробиджане остановился «в один из летних дней»[23]. Однако, подводя итог описанию, Самойлов называет это масштабное, по его словам, событие «биробиджано-варфаломеевой ночью»[24].

И последнее, третье, предположение. По неизвестной причине Самойлов создал «фабрикат», взяв за основу описания грабежей и изнасилований «рокоссовцами» в других дальневосточных городах. Такой вариант исключить невозможно. Многие жители Советского Союза, собиравшиеся эмигрировать или уже уехавшие из СССР, часто рассказывали о тяжелой жизни разных социальных или этнических групп, стараясь привлечь внимание к их страданиям. При этом в некоторых случаях описываемые события являлись вымышленными [Макаров 2017]. Так в Париже, например, с 1950-х годов существовала целая «школа Беседовского», издававшая «книги для идиотов» — убедительно написанные

[22] Testimony of L. Samoilov... *Yad Vashem*, Ф. О.3, Д. 2116, Л. 11.
[23] Testimony of L. Samoilov... *Yad Vashem*, Ф. О.3, Д. 2116, Л. 10.
[24] Testimony of L. Samoilov... *Yad Vashem*, Ф. О.3, Д. 2116, Л. 11.

«фабрикаты», представлявшие собой якобы мемуары и дневники советских политиков и военачальников [Blackstock 1966].

Самойлов описывал погром в Биробиджане, находясь в Израиле, для местного или же западного читателя. Немаловажно, что, как утверждал интервьюер Института Яд Вашем Элиягу Яблонский, свои воспоминания Самойлов написал на конкурс и, вероятно, хотел произвести впечатление на жюри и максимально красочно проиллюстрировать советский антисемитизм, реальное отношение к биробиджанскому проекту, который в конце 1950-х — начале 1960-х годов активно использовался советской антисионистской пропагандой, и упадочное состояние Биробиджана, который пропаганда описывала как процветающую родину советских евреев. Самойлов в этой ситуации оказывается одним из крайне немногочисленных выходцев из ЕАО, попавших в Израиль, который может засвидетельствовать, что происходило и происходит в ЕАО на самом деле. Спорить с ним или же опровергать написанное, что немаловажно, в принципе, было некому — в Израиле Самойлов, вероятнее всего, существовал в среде репатриантов из Польши. Текст же, по всей вероятности, создавался им исключительно для западных или израильских читателей, а не для биробиджанцев. Интересно, что Самойлов, который, судя по жанру документа, видел описанное им собственными глазами, и в случае с генералом-евреем, и во время «биробиджано-варфаломеевой ночи» находится в стороне от события, наблюдает за ним, но не принимает в нем никакого участия.

Заключение

Публикуемое свидетельство вызывает много вопросов — как относительно автора текста, адресата «Биробиджанских фрагментов» и цели написания этого свидетельства, так и относительно описываемого автором события — погрома в Биробиджане в 1945 году. Однако, несмотря на сомнения в реальности описанного Самойловым погрома, его воспоминания являются ранее неизвестным эго-документом, важным для понимания того, как устроена память жителей ЕАО об истории Биробиджана, какие события оказываются из нее, возможно, вытеснены, а какие, наоборот, занимают важное место и формируют идентичность. Свидетельство Самойлова создано в условиях эмиграции, о военных событиях он пишет спустя, по всей вероятности, более двенадцати лет с момента окончания войны. Отсюда в его свидетельстве неточности, лакуны, характерные для эго-документов. Он препарирует свои воспоминания о жизни в Биробиджане и о возвращении туда после контузии, подчиняя повествование важной для него цели — описанию геройских подвигов евреев-красноармейцев, боровшихся плечом к плечу со «старшим братом», и несправедливого антисемитизма красноармейцев как в отношении евреев-военнослужащих, так и обычных жителей Биробиджана.

Приложение I

Свидетельство Л. Самойлова, родившегося в Биробиджане, описывающего свой опыт красноармейца [Testimony of L. Samoilov, born in Birobidzhan, regarding his experience as a Red Army Soldier][25]

Л. 1
Воспоминания и опрос Л. Самойлова из Биробиджана[28]

Самойлов долгое время жил в Биробиджане. Во время Второй мировой войны он был призван в Советскую Армию и участвовал в многочисленных боях против немцев. Он был тяжело ранен, и сейчас он инвалид войны.

В 1957 году он приехал в Израиль.

Воспоминания, которые называются «Биробиджанские фрагменты». Они были написаны Самойловым на конкурс, который был объявлен организацией инвалидов войны с нацизмом.

В «Биробиджанских фрагментах» выделяются следующие темы:

— маленькие эпизоды и короткие описания жизни Биробиджана,

— антисемитизм, который царил среди русского населения,

— герои войны — евреи.

Воспоминания, которые были написаны на девяти страницах, описывают бедность, нищету и трудности жизни биробиджанцев в период до войны и то, как они выживали во время войны. Самойлов рассказывает о культурной жизни до войны, о школах, о том, что общественная жизнь велась на идише. Но после войны все признаки идиша в общественных местах были уничтожены, так же как в школах.

В его записках об антисемитизме нужно отметить рассказ о русском генерале еврейского происхождения, на которого было совершено нападение группой русских солдат-инвалидов. Это произошло на станции города Новосибирск в 1945 году. Во время нападения на генерала не было военной милиции, чтобы его защитить. Как и в случае нападения на еврея на станции в Новосибирске не было защиты евреев Биробиджана, на которых напали несколько сотен солдат армии Рокоссовского, которая находилась в Биробиджане

[25] Я привожу расшифровку обеих копий документов. В тех фрагментах, где Самойлов меняет текст, либо имеются пометки, сделанные от руки, выделяю их курсивом. Кроме того, во второй копии два первых листа занимает сопроводительный текст к документу авторства Элиягу Яблонского.

[28] Перевод с иврита М. Макаровой.

Л. 1
Биробиджанские фрагменты[29]

Многих живущих ***в Париже*** интересует характерность и дальнейшая судьба этого города. Быть может, нестолько его название, сколько его фактическое население. Этот вопрос интересует друзей и возбуждает злобу у недругов.

В ***1926*** году в далекой Уссурийской тайге, на [нрзб] слияния двух рек Бира и Биджан была заложена Еврейская автономная область с центральным городом Биробиджан. Названия этих рек типично корейского происхождения и ничего общего не имеет с еврейством.

В период военного времени, этот город окончательно потерял свое какое-либо значение. Его жизненность поддерживалась только выдаваемым хлебным пайком. Все мало-мальское строительство, будь-то [нрзб]: [нрзб] или вырытый котлован для фундамента оставался нетронутым весь период войны. Все годное население, как других городов России, было мобилизовано в армию и в городе оставались старики да женщины с детьми.

в 1945 году по дороге на японский фронт. Евреев грабили, им причинялся вред, а их дочерей насиловали. В части рассказа об участии евреев в боях против немцев Самойлов пишет, в общем, о евреях на фронтах Второй мировой войны и о своем пути и роли на войне пишет между делом.

Л. 2
Это рассказ о молодом еврее из Биробиджана по имени Иосиф Бумагин, который получил звание Героя Советского Союза после своей геройской смерти за то, что он прикрыл своим телом амбразуру дзота и позволил своему взводу совершить нападение в окрестностях Кенигсберга. Это описано между делом. Все, что связано с этим, не дает об этом случае других сведений. Поскольку Самойлов в своем рассказе не приводит деталей и не описывает подробностей, речь идет об участии евреев в войне вообще и биробиджанцев в частности.
Ноябрь 1961
Элиягу Яблоньски

Л. 3
Биробиджанские фрагменты

Многих живущих ***в Израиле*** интересует характерность и дальнейшая судьба этого города. Быть может, нестолько его название, сколько его фактическое население. Этот вопрос интересует друзей, ***набивает оскомину*** и возбуждает злобу у недругов.

В ***1928*** году в далекой Уссурийской тайге[30], на стыке слияния двух рек Бира и Биджан была заложена Еврейская Автономная Область с центральным городом Биробиджан. Названия этих рек типично корейского происхождения и ничего общего не имеет с еврейством.

В период военного времени, этот город окончательно потерял свое какое-либо значение. Его жизненность поддерживалась только выдаваемым хлебным пайком. Все мало-мальское строительство, будь-то небольшой домик или вырытый котлован для фундамента оставался нетронутым весь период войны. Все годное население, как и других городов России, было мобилизовано в армию и в городе оставались старики да женщины с детьми.

[29] Текст дается в соответствии с орфографией и пунктуацией автора в обоих вариантах.

[30] Сверху надписано синими чернилами от руки — USURSKA TAJGA.

Из-за отсутствия света и керосина с наступлением темноты город погружался в мрак. Это окончательно угнетало и без того голодных и холодных его жителей.

Жизнь этого города теплилась надеждой на скорый конец войны и на быстрое возвращение своих кормильцев — мужей и отцов. Вс[нрзб] война только разгоралась, об ее конце нечего было и думать, домой возвращались лишь только «отвоевавшие». Они переступали порог своих холодных лачуг безрукими или с кост[нрзб]

Л. 2

подм[нрзб]. Их называли «счастливчиками», к ним приходили, их расспрашивали соседи и знакомые.

Каждый задавал один и тот же вопрос.
— Нет, нам [нрзб]ки [нрзб]!.. — отвечали они. — Поле войны это не кинотеатр, где сел [?] у своего места и обозрел всех одним взглядом!
— Нет, не встречал, — отвечал «счастливчик» на все вопросы.
— Ведь вместе брали вас-то!.. — обступали его с расспросами жены солдатов.
— Это верно, что вместе ехали-то!.. Только трудно понять, потом что было с нами!! — припоминали этим. Где и на каких дорогах они не ходили и в каких боях не участвовали. Под каким огнем не бывали.

Судьба одних охраняла, других немилосердно калечила, а третьих... с третьих сама судьба не знает, что с ними и где они.. На какой [нрзб] и в каком краю черный ворон растащил их по косточкам. Только валяются обглоданные черепа, по всей земле, обагренной кровью.

Сколько этих сынов, мужей и отцов еврейского народа совместно с другими народами шли плечом к плечу в общих рядах, в бой за правое дело, на борьбу против [нрзб]вер[нрзб].

Сколько их, сынов еврейского народа, пренебрегая собственной жизнью, под шквальным огнем неприятельских снарядов шли выполнять любое боевое приказание [?].

Сколько их, сынов еврейского народа, ходили в разведку по неприятельским тылам.

Из-за отсутствия света и керосина с наступлением темноты город погружался в мрак. Это окончательно угнетало и без того голодных и холодных его жителей.

Жизнь этого города теплилась надеждой на скорый конец войны и на быстрое возвращение своих кормильцев — мужей и отцов. Вспыхнувшая война только разгоралась, об ее конце нечего было и думать, домой возвращались лишь только «отвоевавшие». Они переступали порог своих холодных лачуг безрукими или с костылями

Л. 4

подмышками. Их называли «счастливчиками», к ним приходили, их расспрашивали соседи и знакомые.

Каждый задавал один и тот же вопрос.
— Нет, мои милые земляки!.. — отвечали они. — Поле войны это не кинотеатр, где встал у своего места и обозрел всех одним взглядом!..
— Нет, не встречал, — отвечал «счастливчик» на все вопросы[31]
— Ведь вместе брали вас-то!.. Обступали его с расспросами жены солдатов.
— Это верно, что вместе ехали-то!.. Только трудно понять, потом что было с нами!! — припоминали они. Где и на каких дорогах они не ходили? В каких боях не участвовали? Под каким огнем не бывали?

Судьба одних охраняла, других немилосердно калечила, а третьих... а третьих сама судьба не знает, что с ними и где они.. На какой земле и в каком краю черный ворон растащил их по косточкам. Только валяются обглоданные черепа, по всей земле, обагренной кровью.

Сколько этих сынов, мужей и отцов еврейского народа совместно с другими народами шли плечом к плечу в общих рядах, в бой за правое дело, на борьбу против озверелого фашизма?

Сколько их, сынов еврейского народа, пренебрегая собственной жизнью, под шквальным огнем неприятельских снарядов шли выполнять любое боевое приказание?

Сколько их, сынов еврейского народа, ходили в разведку по неприятельским тылам?

[31] «сы» — дописано синими чернилами от руки.

Сотни тысяч пали смертью храбрых в боях против фашистов на русско-немецком фронте. Тысячи сражались в героических партизанских отрядах. Имена десятков тысячей еврейских солдат и офицеров отличались и награждались орденами и медалями СССР.

Л. 3

Наиболее отличившиеся еврейские самородки были удостоены полной [?] награды с присвоением звания Героя Советского Союза.

Все само[?] лучше[?] [нрзб] сыны еврейского народа сложили на алтарь русского отечества. Они верили в правоту своей борьбы и в гуманную [?] ответственность.

В 1944 г. в боях под Кенигсбергом подвиг Александра Матросова повторил биробиджанский [нрзб] Иосиф Бумагин. Он своим телом закрыл амбразуру вражеского дзота. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Более трех тысяч жен и матерей погибших получают [нрзб] персональную пенсию через биробиджанский Городской отдел социального обеспечения «Горсобес».

Это довольно характерно и особо важно для тех, кто хочет понимать, какой вклад в общую победу внес еврейский народ.

Некчему, да и нет смысла здесь перечислять фамилии тех, кто находился во время великих сражений на поле боя.

Всякий здравомыслящий реалист понимает, что от всеобщей мобилизации в России не могут ускользнуть ни единый человек. Только [нрзб] [унизи]тельные [поразительные?] колкости, отдельных [нрзб], безмозглых солдафонов, которые льют грязь на еврейский народ, заставляют еще раз подумать о нашем завтра и грядущем будущем.

В феврале сорок пятого года, возвращаясь из госпиталя, мне пришлось ожидать поезд на станции Новосибирск. Всякий, кому приходилось в эти годы ездить и бывать на станциях страны, помнит, что творилось на железных дорогах и какое скопление [нрзб] там находилось в ожидании поезда.

Сотни тысяч пали смертью храбрых в боях против фашистов на русско-немецком фронте! Тысячи сражались в героических партизанских отрядах! Имена десятков тысячей еврейских солдат и офицеров отличались и награждались орденами и медалями СССР.

Л. 5

Наиболее отличившиеся еврейские самородки были удостоены великой награды с присвоением звания Героя Советского Союза.

Все самое лучшее и бесценное — жизнь — сыны еврейского народа сложили на алтарь русского отечества. Они верили в правоту своей борьбы и в гуманную справедливость.

В 1944 г. в боях под Кенигсбергом[32] подвиг Александра Матросова повторил биробиджанский юноша Иосиф Бумагин. Он своим телом закрыл амбразуру вражеского дзота. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Более трех тысяч жен и матерей погибших получают ежемесячно персональную пенсию через биробиджанский Городской отдел социального обеспечения «Горсобес».

Это довольно характерно и особо важно для тех, кто хочет понимать, какой вклад в общую победу внес еврейский народ.

Некчему, да и нет смысла здесь перечислять фамилии тех, кто находился во время великих сражений на поле боя.

Всякий здравомыслящий гуманист понимает, что от всеобщей мобилизации в России не могут ускользнуть ни единый человек. Только отпускаемые[33] язвительные колкости, отдельных выродков, безмозглых солдафонов, которые льют грязь на еврейский народ, заставляют еще раз подумать о нашем завтра и грядущем будущем.

В феврале сорок пятого года, возвращаясь из госпиталя, мне пришлось ожидать поезда на станции Новосибирск[34]. Всякий, кому приходилось в эти годы ездить и бывать на станциях страны, помнит, что творилось на железных дорогах и какое скопление людей там находилось в ожидании поезда.

[32] Сверху синими чернилами от руки написано — KÖNIGSBERG.

[33] Буква «е» — дописана от руки синими чернилами.

[34] Синими чернилами от руки по-польски надписано — NOWOSYBIRSK.

Вся эта масса питалась любо[й?] [нрзб] ор[нрзб]ой и распростра[нрзб] анекдоты под адресом еврейского народа. Начальное

Л. 4

поражение и отступление Красной Армии приписывалось только наличию в ее рядах «Абрамов», которые-де продают всю Россию немцам и т.д.

Спертый внутренний воздух и угар табачного дыма заставили меня выйти освежиться на воздух. Едва покинул я внутренность вокзала и вышел на платформу, как [нрзб] разбушевавшийся северный ветер [нрзб]ил снова очутиться [?] в [нрзб] тысячей человеческих тел и в од[нрзб] …ах табачного дыма.

Я бродил по вокзалу, выискивая место, где бы примкнуться, ибо сутки уже простоял на ногах.

Как говорится, на ловца и зверь бежит. После некоторых поисков мне посчастливилось опереться на лестничные перила, ведущие на второй этаж. Стои[нрзб] весь [нрзб] подробностях.

[Нрзб] генерал-майор. Он был одет в генеральскую шинель, на груди красовались воинские ордена и медали, поверх которых поблескивала «Золотая Звезда» Героя Советского Союза.

Что-то знакомое показалось мне в военном образе этого среднего роста широко[пле?]чего генерала.

Стоя на лестнице, я пристально всматривался в его еще молодое лицо, напрягая всю свою память, заставляя быстро работать мой мозг. Невольно сошел я со своего поста и инстинктивно пошел параллель[но?], продолжая всматриваться в его лицо.

Вокзальное радио известило о подходе поезда, и он си[нрзб] к билетным кассам. Подойдя [нрзб], генерал подал [нрзб], держа в руках проезд[нрзб] компостер.

Л. 5

В ту пору проходили изрядно выпившие группы солдат, один из них хромал и опирался на палку. [Нрзб]дя стоявшего генерала, [нрзб] солдаты отдали воинскую честь, в то время [средний?] опиравший-

Вся эта масса питалась любой информацией и распространяла нелепые анекдоты под адресом еврейского народа. Начальное

Л. 6

поражение и отступление Красной Армии приписывалось только наличию в ее рядах «Абрамов», которые-де продают[35] всю Россию немцам и т.д.

Спертый внутренний воздух и угар табачного дыма заставили меня выйти освежиться на воздух. Едва покинул я внутренность вокзала и вышел на платформу, как уже разбушевавшийся северный ветер заставил меня снова окунуться в запах тысячей человеческих тел и в едкий запах табачного дыма.

Я бродил по вокзалу, выискивая место, где бы примкнуться, ибо сутки уже простоял на ногах.

Как говорится, на ловца и зверь бежит. После некоторых поисков мне «посчастливилось» опереться на лестничные перила, ведущие на второй этаж. Отсюда созерцал я весь нижний ярус во всех его подробностях.

Мое внимание привлек идущий генерал-майор. Он был одет в генеральскую шинель, ***на груди которой красовались военные ордена и медали,*** поверх которых поблескивала «Золотая Звезда» Героя Советского Союза.

Что-то знакомое показалось мне в военном образе этого среднего роста широкоплечего генерала.

Стоя на лестнице, я пристально всматривался в его еще молодое лицо, напрягая всю свою память, заставляя быстро работать мои мозги. Невольно сошел я со своего поста и инстинктивно пошел параллельно, продолжая всматриваться в его лицо.

Вокзальное радио известило о подходе поезда, и он спешил к билетным кассам. Подойдя к военной кассе, генерал подал литер и через несколько минут отошел, держа в руках проездной компостер.

Л. 7

В ту пору проходила изрядно выпившая группа солдат, один из них хромал и опирался на палку. Завидя стоявшего генерала, передние менее пьяные солдаты отдали воинскую честь, в то время средний

[35] Буква «ю» надписана синими чернилами от руки.

ся на палку было занес руку для отдачи чести, задержал ее около своей головы, а из уст его только сорвалось — Здр…. А вот остальное застряло в горле, словно он чем-то поперхнулся. Глаза его дико расширились и уставились в лицо генерала.

— Братцы! — еле лопоча непослушным языком обратился он к своим собутыльникам. — Земляки! Расшиби меня гром, если я вру! Да ведь это, что ни на есть Абрам!!! Как говорится, Дальше в лес, больше дров. — Не успел генерал опомнится, как уже находился в кольце хулиганов и всякой черни.

Тут еще раз взглянув на генерала, я безошибочно определил в нем Юрку Беловского[36], биробиджанского парня, курсанта ленинградской военной [?] школы.

Обступившая чернь ядовито высмеивала прославленного генерала лишь только за то, что в его наружном облике были заметны следы еврейской нации.

Эта чернь приписала этому прославленному генералу буд-то он командовал «среднеазиатским» фронтом и успешно без боя [?] овладел «Ташкентом». А все эти медали и ордена местные евреи купили на рынке и преподнесли своему «Абраму».

Стоя в толпе, я был очевидцем всей этой гнусной сцены, как распоясавшееся хулиганье, среди которых были нарядные высшие чины, безбоязненно позорило честь советского генерала, перед погонами которого дрожали полковники.

Эта сцена происходила не где-либо в темном безлюдном переулке, а на виду у многих присутствующих.

Л. 6

Все это было прикрыто невидимой завесой и кому это нужно было видеть и слышать, быстро покинули внутренность вокзала. Странно только, что в этот момент вокзальная военная комендатура, почему-то срочно была выслана в город.

Поезд, стуча колесами, ушел на восток, на горизонте еще виднелся черный дым огромного паровоза «Серго Орджоникидзе», а я стоял уже на только что [нрзб] опиравшийся на палку было занес руку для отдачи чести, задержал ее около своей головы, а из уст его только сорвалось: — Здр… А вот остальное застряло в горле, словно он чем-то поперхнулся. Глаза его дико расширились и уставились в лицо генералу.

— Братцы! — еле лопоча непослушным языком обратился он к своим собутыльникам. — Земляки!.. Расшиби меня гром, если я вру! Да ведь это, что ни на есть Абрам!!! Как говорится, Дальше в лес, больше дров. — Не успел генерал опомнится, как уже находился в кольце хулиганов и всякой черни.

Тут еще раз взглянув на генерала, я безошибочно опознал в нем Юрку Беловского[37], биробиджанского парня, курсанта ленинградской военной школы.

Обступившая чернь ядовито осмеивала прославленного генерала лишь только за то, что в его наружном облике были заметны следы еврейской нации.

Эта чернь приписала[38] этому прославленному генералу буд-то он командовал «среднеазиатским» фронтом и успешно без боя овладел «Ташкентом». А все эти медали и ордена местные евреи купили на рынке и преподнесли своему «Абраму».

Стоя в толпе, я был очевидцем всей этой гнусной сцены, как распоясавшееся хулиганье, среди которых были нарядные военные чины, безбоязненно позорило честь советского генерала, перед погонами которого дрожали полковники.

Эта сцена происходила не где-либо в темном безлюдном переулке, а на виду у многих присутствующих.

Л. 8

Все это было прикрыто невидимой завесой и кому это нужно было видеть и слышать, быстро покинули внутренность вокзала. Странно только, что в эту минуту вокзальная военная комендатура, почему-то срочно была[39] выслана в город.

Поезд, стуча колесами, ушел на восток, на горизонте еще виднелся черный дым огромного паровоза «Серго Орджоникидзе», а я стоял уже на только что всту-

[36] Jurij Bełowski — написано черной ручкой над строкой.
[37] Над строкой синими чернилами от руки написано по-польски JURIJ BEŁOWSKI.
[38] Буква «а» дописана синими чернилами от руки.
[39] Буква «е» — дописана от руки синими чернилами.

отупише[нрзб] [нрзб] давно покинутого и снова [нрзб]ого меня города. Его оставил я предвоенным годом, годом его интенсивного строительства. Строились каменные и деревянные дома. [Нрзб] мосты и прокладывались просеки [?] и дороги. Город, в котором жила еврейская культура театр, педагогическая и медицинская школа и средние, в которых преподавание велось на национальном языке.

Меня охватила дрожь при виде того мертвого хаоса, в котором все замерло и остановилось [?] [нрзб] в течение всей войны. Деревянные строения прогнили, все валилось и разрушалось. Преподавание еврейского языка в школах и средних учебных заведениях совершенно прекратилось. Только вокзальная вывеска и кое-где уцелевшие уличные таблички на еврейском языке напоминала прие[зжему?], что он попал туда, куда хотел…

Снова бродил я теперь по этому серому, мрачному и полумертвому городу, с которым меня связывала часть моей юности и в котором я созрел, как созревает поспевший колос.

Мне повезло, я попал в число тех «счастливчиков», которые прибыли раньше тех, которые проливали свою кровь на последнем рубеже берлинского направления.

И вот настал день, который ждало все человечество

Л. 7
[Нрзб– 3 абзаца]

пившей земле давно покинутого и снова манящего меня города. Его оставил я предвоенным годом, годом его интенсивного строительства. Строились каменные и деревянные дома. Засыпались тонкие места и прокладывались проезжие дороги. Город, в котором жила еврейская культура театр, педагогическая и медицинская школы и ~~во всех~~ средние школых[40], в которых преподавание велось на национальном языке.

Меня охватила дрожь при виде всего того мертвого хаоса, в котором все замерло и оставалось нетронутым в течение всей войны. Деревянные строения прогнили, все валилось и разрушалось. Преподавание еврейского языка в школах и средних учебных заведениях совершенно прекратилось. Только вокзальная вывеска и кое-где уцелевшие уличные таблички на еврейском языке напоминали приезжим, что он попал туда, куда хотел…

Снова бродил я теперь по этому серому, мрачному и полумертвому городу, с которым меня связывала часть моей юности и в котором я созрел, как созревает поспевающий колос.

Мне повезло, я оказался в числе тех «счастливчиков», которые прибыли раньше тех, которые проливали еще кровь на последнем рубеже берлинского направления.

И вот настал день, который ждало все человечество

Л.9

День великой победы. Он вселял уверенность в завтрашнем дне и в далекое будущее.

С запада на восток следовали первые эшелоны с первыми демобилизованными старших возрастов. Они ехали через всю главную магистраль все дальше и дальше на восток по своим домам, по пути оставляя уже отвоевавших седых стариков в серых солдатских шинелях с рюкзаками за спиной.

Выбрасывая черные клубы дыма, отдуваясь и пыхтя, паровоз замедляя свой ход остановился на станции Биробиджан. Сюда собрались тысячи народу, чтобы встретить своих дорогих и близких людей. Их встречали с плакатами и лозунгами, несмолкаемо играла музыка. Они были первыми прибывшими победителями и покорителями фашистского логова Берлина.

[40] Часть текста зачеркнута.

Их было единицы, но и эти седые старики были гордостью еврейского народа, они были желанными гостями в любом доме, в каждой семье. Со слезами на глазах обступали их так же те, которые уже имели на руках извещения о смерти своих близких. Они еще надеялись, что быть может это ошибка судьбы, что они еще также вернуться, хотя бы седыми и покалеченными стариками и войдут в свой дом, в свою семью.

...Но они не писали и домой и не возвратились...

Их брали тысячами, а возвращались единицы. Они «не жалея живота своего» сражались и умирали за Родину, за честь свою, за свой народ. Они не прятались в окопах, а умирали в бою, падали головой только вперед, в сторону противника. Ранеными они также ползли не в тыл, а только вперед, ибо пока еще теплилась в них жизнь, они оставались еще верными защитниками своего отечества.

Л. 7 [продолжение]

Но судьба оказалась несправедлива.

тот народ оказался выброшенным за борт плывущего корабля и, хватаясь [нрзб] живое, он карабкался вверх, а его духовно отравляли идеи антисемитизма и антигуманизма.

Л.10

[нрзб] по вооруженному до зубов
союзнику.
веря в идею гуманизма [нрзб] империализму. Освободившиеся
который со своим старшим братом русским народом [нрзб] плечом к плечу, нога в ногу прошли от Москвы
, армия Рокоссовского срочно перебрасывалась на [нрзб]
до [нрзб]
до Берлина, где завоевали свою историческую победу
к Манджурской границе вдоль течения реки Амур

Но судьба оказалась несправедливой, жестокой. Как

Биробиджан стоял на пути следования этих военные эша-
мачеха на падчерицу налетела она на этот народ. Война породи-
лонов. В один из летних дней у перрона станции остановился сос-
ла большую злобу и антисемитизм. Этот народ оказался выброшен-
состав с солдатами армии[40] Рокоссовско-
го. Едва состав остановился,
ным за бор плывущего корабля и, хватаясь

[41] Последнее «и» в слове зачеркнуто.

За все живое, он ка-
как со всех вагонов зеленой тучей налетели победители
рабкался вверх, а его духовно отравляли идеей антисемитизма и антигуманизма. Кому еще, как не еврейскому народу нужно было мстить за пролитую кровь, за поруганную честь своего народа, за надругательства, миллионы [?] ни в чем неповинных убитых, замученных

СССР [нрзб] человеческих жизней [наслоение] удар по вооруженному до зубов союзнику [нрзб] остался еврейский народ, [нрзб] который со своим старшим братом русским народом совместно плечом к плечу, нога в ногу прошел от Москвы до Варшавы [?], и от Сталинграда до Берлина, где завоевали свою историческую победу.

Биробиджан стоял на пути следования этих военных эшалонов. В один из летних дней у перрона станции остановился состав с солдатами армии Рокоссовского . Едва состав остановился, как со всех вагонов зеленой тучей налетели на город победители

[На это наслаивается текст:] Но судьба оказалась несправедливой, жестокой. Как мачеха на падчерицу налетала она на этот народ. Война породила большую злобу и антисемитизм. Этот народ оказался выброшенным

за борт плывущего корабля и, хватаясь за все живое, он карабкался вверх, а его духовно отравляли идеей антисемитизма и антигуманизма.

После победы над Берлином, когда враг был окончательно повержен и над рейхстагом развевался флаг Победы, командование СССР готовило второй решающий удар по вооруженному до зубов союзнику Германии — японскому империализму. Со[нрзб] освободив[?] войска на западе, в Берлине, армия Рокоссовского срочно перебрасывается на дальний восток и Манджурию [нрзб] вдоль течения реки Амур.

Биробиджан стоял на пути следования этих военных эшалонов. В один из таких дней на перроне станции остановился состав с солдатами армии Рокоссовского. Когда состав остановился [нрзб] город победитель

После победы над Берлином , когда враг был окончательно повержен и над рейхстагом развевался флаг Победы, командование СССР готовило второй решающий удар по вооруженному до зубов союзнику Германии — японскому империализму. Освободившиеся войска на западе, в Берлине, армия Рокоссовского срочно перебрасывалась на дальний восток к манджурской границе вдоль течения реки Амур.

Биробиджан стоял на пути следования этих военных эшалонов. В один из летних дней у перрона станции остановился состав с солдатами армии~~и~~[41] Рокоссовского. Едва состав остановился, как со всех вагонов зеленой тучей налетели на город победители

[42] Последнее «и» в слове зачеркнуто.

Л. 8

[нрзб]

Биробид[нрзб]. [нрзб] [Г,]оро[д?] был полностью парализован. [нрзб] Победители [нрзб] пьяны и носились по городу, б[нрзб] стр[еляя?] [из ав]томато[в?] [...] Их воодушевляло на это [написанная?] на [еврейском?] [языке?] «Биробиджан».

«Бить [?] Абрамов [нрзб] и насиловать [?] саро[чек?]» — таков был провозглашен[нрзб] девиз [?]. [Они врывались?] квартиры и проис[в?]ходил[и] [ночной?] разгром. Повсюду слышались раздирающие [душу крики?].

Прибыв взвод о[?] нно[?] [нрзб] оказался беспомощным против трехтысячной армии рокоссовцев. Завязавшаяся [между ними?] борьба, окончилась победой рокоссовцев. Комендант [нрзб] отступили с разбитыми [нрзб] и перебитыми челюстями. Пока был полностью [в?]оор[ужен?] [и поднят?] [по тревоге?] [находящийся?] [нрзб] город[е] [.?] Пятн[нрзб] опасно[сть?] по[ди?][нрзб] пр[ошло?] [два часа?]. Тем временем паровоз дал сигнал и отошел от станции [нрзб] сторон[у] Хабаровска на восток. За[ме]ти[в] это [нрзб] открыли стрельбу по составу. Многие бежали вслед, догоняя и вскакивая на ходу в товарные вагоны. Некоторые на них попали [под колеса?] [нрзб] себя рокоссовцами.

[нрзб]

[Э?]та [памя?]тная [н?]очь была названа «биробиджано-[в]ар[фа]лам[еевской?] [ночью?]

/Продолжение следует/

Л. 11

Берлина.

Два часа Биробиджан находился в руках этих озверелых мародеров. Город был полностью парализован. Все близьприлегающие[42] к вокзалу дома подвергались грабежу. Победители Берлина разграбили привокзальный буфет и пьяными носились по городу, бесконечно стреляя из автоматов. Их воодушевляло на это написанная на еврейском языке вывеска: «Биробиджан».

Бить «Абрамов» и насиловать «сарочек», — таков был провозглашенный ими девиз. Они врывались в квартиры и производили полный разгром. Повсюду слышались раздирающие душу крики.

Прибывший взвод военной комендатуры оказался безпомощным против трехтысячной армии рокоссовцев. Завязавшаяся между ними «борьба», окончилась «победой» рокоссовцев. Комендантовцы оказались ими «обезоружанными» и отступили с разбитыми головами и перебитыми челюстями. Пока был полностью вооружен и поднят по тревоге находящийся в городе Пятый запасной полк прошло два часа. Тем временем паровоз дал сигнал и отошел от станции в сторону Хабаровска на восток. Заметив это нет успевшие вскочить в вагоны рокосовцы открыли стрельбу по составу. Многие бежали вслед, догоняя и вскакивая на ходу; в товарные вагоны. Некоторые из них попали под колеса и больше не называли себя рокосовцами.

Около сотни были так увлечены беззаконием, что забыли где они находятся. Они были выловлены.

Эта памятная ночь была названа «биробиджано-варфаламеевой» ночью.

/Продолжение следует/

[43] Внутри слова зачеркнут «ь».

Литература

Бренер, И. С. (2013). *Страна Биробиджан*. Биробиджан: ПГУ им. Шолом-Алейхема.

Вайнштейн, Н. Б. (1994). *Воспоминания лейтенанта 1941–1945 гг.* Кострома: КВВКУХЗ. Режим доступа: http://mognovse.ru/vev-vospominaniya-lejtenanta-1941-1945gg-izdano-redakcionno-iz.html

Вайсерман, Д. И. (1999). *Биробиджан: мечты и трагедия. История ЕАО в судьбах и документах*. Хабаровск: Риотип.

Всесоюзная перепись населения 1939 года (2019, 8–21 апреля). *Демоскоп, 809–810.* Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=23

Колягин, В. В. (2012). *Шкотово: дорога из прошлого в будущее. Часть I.* Владивосток: Общество изучения Амурского края.

Кудиш, Е. И. (2000). *Подвиг их бессмертен*. Биробиджан: Биробиджанский государственный педагогический институт.

Кудиш, Е. И. (2005). *Финал Второй мировой войны (1939–1945) (историческая хроника).* Биробиджан. Режим доступа: http://nasledie-eao.ru/news/Kudish_Final%20vtoroi%20mirovoi%20voin.pdf.

Макаров, А. (2017). Фальсифицируя носителей фольклора. В А. С. Архипова, С. Ю. Неклюдов, Д. С. Николаев, Н. Н. Рычкова (Сост.). *Фальсификации и ошибки в фольклористике и культурной антропологии: Сб. тезисов и материалов XVII Международной школы-конференции*, 45–48. М.: РГГУ.

Мицель, М. (2004, 17 сентября). Евреи Украины в 1943–1953 гг. *Заметки по еврейской истории, 46.* Режим доступа: http://berkovich-zametki.com/Nomer46/Mitsel1.htm

Рожков, Е. (2010). *Рокоссовцы на Чукотке или тайна бухты Провидения.* Режим доступа: http://www.dvocu.ru/publ/rokossovcy_na_chukotke_ili_tajna_bukhty_providenija/6-1-0-189

Скворцова, С. И. *Еврейская автономная область в годы Великой Отечественной войны (1941–1946).* Режим доступа: http://nasledie-eao.ru/news/detail.php?ID=842

Ставчанский, Г. М. (2016). *Дети военного времени*. Биробиджан: Издательский дом «Биробиджан».

Сударский, И. (1930). *Биробиджан и Палестина.* М.: ОЗЕТ.

Устинова, Т. И. (2000). *Биографический очерк.* Режим доступа: http://www.kronoki.ru/territory/reserve/history/faces/86/87

Эстрайх, Г. (2018). Слухи о выселении в Биробиджан, Анастас Микоян и американский еврейский истеблишмент. *Judaic-Slavic Journal, 2018*(1), 103–117.

(1958, 27 марта) Беседа товарища Н. С. Хрущева с корреспондентом французской газеты «Фигаро». *Известия*, 1–2.

Blackstock, P. W. (1966). "Books for Idiots": False Soviet "Memoirs". *Russian Review, 25*(3), 285–296.

Maksimowska, A. (2019). *Birobidżan. Ziemia, na której mieliśmy być szczęśliwi*. Wołowiec: Czarne.

References

1939 All-Union Population Census (2019, April 8–21). *Demoscope, 809–810.* Retrieved from http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=23. (In Russian).

Blackstock, P. W. (1966). "Books for Idiots": False Soviet "Memoirs". *Russian Review, 25*(3), 285–296.

Brener, I. S. (2013). *The Land Birobidzhan*. Birobidzhan: PGU im. Sholom Aleykhema. (In Russian).

Conversation of Comrade N. S. Khrushchev with the correspondent of the French newspaper "Le Figaro". (1958, March 27). *Izvestiia*, 1–2. (In Russian).

Estraikh, G. (2018). Rumors of Expulsion to Birobidzhan, Anastas Mikoyan, and the American Jewish Establishment. *Judaic-Slavic Journal, 2018*(1), 103–117. (In Russian).

Kolyagin, V. V. (2012). *Shkotovo: the road from the past to the future. Part I*. Vladivostok: Obshchestvo izucheniya Amurskogo kraya. (In Russian).

Kudish, E. I. (2000). *Their feat is immortal*. Birobidzhan: Birobidzhanskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut. (In Russian).

Kudish, E. I. (2005). *Finale of the Second World War (1939–1945) (historical chronicle)*. Birobidzhan. Retrieved from http://nasledie-eao.ru/news/Kudish_Final%20vtoroi%20mirovoi%20voin.pdf. (In Russian).

Maksimowska, A. (2019). *Birobidżan. Ziemia, na której mieliśmy być szczęśliwi* [Birobidzhan. The land where we were supposed to be happy]. Wołowiec: Czarne. (In Polish).

Makarov, A. Falsifying natives of folklore. In. A. S. Arkhipova, S. Yu. Neklyudov, D. S. Nikolaev, N. N. Rychkova (Eds.). *Falsifications and mistakes in folklore studies and cultural anthropology: Coll. theses and materials of the XVII International School-Conference,* 45–48. Moscow: RSUH, 2017. (In Russian).

Mitsel, M. (2004, September 17). Jews of Ukraine in 1943–1953. *Notes on Jewish history, 46*. Retrieved from http://berkovich-zametki.com/Nomer46/Mitsel1.htm (In Russian).

Rozhkov, Y. (2010). *Rokossovtsy in Chukotka, or Mystery of Providence Bay*. Retrieved from http://www.dvocu.ru/publ/rokossovcy_na_chukotke_ili_tajna_bukhty_providenija/6-1-0-189 (In Russian).

Skvotsova, S. I. *Jewish Autonomous Region during the Great Patriotic War (1941–1946)*. Retrieved from http://nasledie-eao.ru/news/detail.php?ID=842 (In Russian).

Stavchansky, G. M. (2016). *The Wartime Children*. Birobidzhan: Izdatel'skij dom "Birobidzhan".

Sudarsky, I. (1930). *Birobidzan and Palestine*. Moscow: OZET. (In Russian).

Ustinova, T. I. (2000). *A Biographical Sketch*. Retrieved from http://www.kronoki.ru/territory/reserve/history/faces/86/87 (In Russian).

Vajnshtejn, N. B. (1994). *Memories of a Lieutenant, 1941–1945*. Kostroma: KVVKUHZ. Retrieved from http://mognovse.ru/vev-vospominaniya-lejtenanta-1941-1945gg-izdano-redakcionno-iz.html (In Russian).

Vajserman, D. I. (1999). *Birobidzhan: dreams and tragedy. History of Jewish Autonomous Region in destinies and documents*. Khabarovsk, Riotoip. (In Russian).